

ВЕПРЕВА И.Т.

г. Екатеринбург, Россия

irina_vepreva@mail.ru

81*42

DOI 10.26170/ufv20-02-07

ДИАЛОГ ВЗРОСЛОГО С РЕБЕНКОМ: ПОДШУЧИВАНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПАТЕРНАЛИСТСКОГО СТИЛЯ ОБЩЕНИЯ¹

Аннотация. На материале воспитательного диалога взрослых с ребенком охарактеризована прагматическая составляющая данной разновидности повседневного семейного общения. Представлен анализ ситуации подтрунивания, поддразнивания, подшучивания над ребенком, основанной на статусном доминировании взрослого. Ситуация подшучивания рассмотрена как разновидность патерналистского коммуникативного стиля общения взрослых с детьми. Рассмотрены три фрагмента подшучивания, направленные на ребенка. Подтрунивание относится к разновидности мягкой насмешки, доброй иронии, находящейся на градуальной шкале иронической оценки в ее положительной части. Добрая ирония направлена на налаживание отношений и сокращение дистанции. Хотя при общении с ребенком подшучивание может носить деструктивный характер.

Ключевые слова: семейный дискурс, стратегии общения с ребенком, патерналистский коммуникативный стиль, аффилиативный юмор, подшучивание.

VEPREVA IRINA

Ekaterinburg, Russia

DIALOGUE BETWEEN ADULT AND CHILD: BANTING AS VARIETY OF PATERNALISTIC COMMUNICATION STYLE

Abstract. On the basis of the educational dialogue between adults and a child, the pragmatic component of everyday family communication variety is described. The analysis of the situation of joking, teasing and bantering a

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)»

child based on the status dominance of an adult is presented. The situation of bantering is considered as a kind of paternalistic communicative style between adults and children. Three fragments of bantering directed at the child are examined. Bantering refers to a kind of soft teasing, good irony which is on the grading scale of the ironic score in its positive part. Good irony is aimed at building relationships and reducing distance. At the same time, while communicating with a child bantering can be destructive.

Keywords: family discourse, strategies for communicating with a child, paternalistic communicative style, affiliate humor, bantering.

Эмпирической основой исследования стали тексты записей речевого быта семьи в рамках научного проекта гранта РФФИ № 18-012-00382. Процедуру лингвоаксиологического анализа разговорного диалога предваряет социолингвистическая паспортизация участников коммуникативного события, в том числе относительно их взаимных отношений (возрастных, родственных и др.), которая определяет общую модальность ситуации общения и характер коммуникации. Объектом наших наблюдений стал разговор взрослых с детьми как особой формы «педагогического воздействия, нацеленного на социализацию ребенка, его характеризует статусная асимметрия участников (взрослый – ребенок), жанровое и стилевое своеобразие общения, которое инициируется и направляется воспитателем» [Ильинова 2019: 150].

Разговор взрослого с ребенком представляет особый регистр общения, получивший название *child oriented speech* (речь, ориентированная на детей). Взрослый, в процессе общения обращающийся к ребенку, бессознательно переключается на иной код, связанный с совокупностью приемов, демонстрирующих ту или иную стратегию «взрослоцентризма». Эти приемы обобщает М.А. Кронгауз [Кронгауз: электронный ресурс], связывая их с определенными стратегиями общения с ребенком, с особым взглядом на него. Перечислим их.

Первый прием имитации – это попытка подражания ребенку, сюсюканье. В нем реализуется стратегия присоединения к ребенку, она характерна для игровых ситуаций. Второй прием отчетливой речи, упрощения языка (четкое произношение слов,

упрощенный синтаксис, выделение важных элементов языка) характерен для стратегии педагога, обучающего ребенка языку. Третий прием использования приятных вещей в языке (певучей интонации, уменьшительных суффиксов) типичен для патерналистской стратегии: это взгляд большого существа, защищающего существо маленькое. М.А. Кронгауз делает вывод: «Это очень важные способы приближения ребенка ко взрослому миру. Или, наоборот, <...> приближения взрослого мира к ребенку» [там же].

Названные приемы не исчерпывают всех коммуникативных стилей общения с детьми. Предметом нашего анализа является прием подшучивания, подтрунивания, поддразнивания, характерный для общения взрослых с детьми. На наш взгляд, речевая манера подшучивания – это типичный патерналистский подход взрослого к ребенку – снисходительный, дружелюбный, покровительственный.

Приведем полностью разговорный текст, который рассмотрим с точки зрения коммуникативного стиля подшучивания.

Место и время действия:

19 июля 2018 года. Разговор на даче за завтраком.

Коммуниканты:

М. – пенсионер, 93 года, приехал на месяц в гости к дочери из Израиля.

Е. – пенсионерка, 65 лет, дочь М., бывший педиатр

Р. – дочь Е., 41 год, учитель английского языка в средней школе

Л. – внук Е., племянник Р., школьник, 12 лет

А. – внучка Е., племянница Р., 4 года

М. Вот / это стуженное молоко / берут молоко / с сахаром / и / и его вываривают / и оно стужается / поэтому называется стуженное молоко / или сокращенно стуженка / да?

Е. (*посмеивается*)

М. Вот сидит моя девчонка /

Е. Она кушает стуженку /

М. Вкусно? / ты любишь олады? //

А. Угу ///

(*Все едят*)

М. Как она похожа на Ленку (*о девочке*) / глаза прямо Ленкины //
эх / и пальчики как у Ленки (*смеется*)

Е. Тебе сколько лет-то уже?

А. Сетыле [четыре]

Е. (*удивленно*) Четыре? / А скоро будет?

М. Восемь /

А. Пять /

Л. Да не скоро //

М. Мне пока четыре / скоро будет восемь /

Е. Скоро восемь / а пока три //

М. Да-а //

А. Нет / мне четыре / (*расстроено*) / а скоро будет пять / а не восемь!

Е. Пять / Да нет это такая шутка // Чё плакать-то сразу / ну что ты сразу плачешь?

А. (*сквозь слезы*) Остальные / после четыре [сетыле] будет восемь

Е. А нам уже не будет четыре / к сожалению // самим // самим

Р. (*посмеиваясь, перебивая*) И восемь / что характерно тоже //

М. (*считает*) Три и раз // один / ра-ра-раз / один / один-один / два / три //

Л. Восемь!

М. Четыре / пять / шесть / [сем] / восемь

А. У меня пять карт //

М. А у меня восемь //

Е. (*смеется*)

А. Ну-ка дай посчитаю //

М. Не у всех бывает восемь / только у некоторых пять / а у некоторых шесть //

Р. А у некоторых особо просветленных по восемь /

М. Ой-ой / ты меня запачкала сгушенкой / Теперь у меня всё / весь палец стал сладкий // (*М. чмокает губами, облизываясь*)

Е. и А. смеются.

М. Очень сладкий палец стал //

Е. Кто у нас тогда смеялся? / Гриша? / Помнишь мы / записывали / как он хохотал у тети Евы на столе / маленький / и хохотал просто до / Гришка?

М. Кушай //

Р. Не / не помню //

М. (*говорит о игрушке*) Ты куда / это туда? / Туда его? // И он тогда тррр!

- А. Не //
- М. Вот сюда?
- А. Вот так / его так //
- М. Живот? А дальше куда?
- А. Вот сюда //
- М. А чё у тебя там? Механизм какой-то?
- А. Нет //
- М. А что там?
- А. Живот //
- М. Живот? / Так живот это вот это // А там-то внутри что? // Живот / это вот это //
- Е. Скажи «желудок» //
- М. А там что?
- А. Желудок //
- М. Желудок / да //
- А. А вот это / это [глудь] //
- Е. Это «глудь» /
- Е. и Р. громко смеются*
- М. Что?
- Р. Это «глудь» //
- М. Что сказала?
- Е. (*смеясь*) «Глудь!» // Это «глудь»!
- Р. и Е. (*одновременно*) Грудь /
- Е. Грудь / Ну /
- М. Где грудь? /
- Е. (*смеясь*) Это «глудь» /
- М. А-а / это грудь? // да
- Е. (*посмеиваясь*) «Глудь»
- А. Не-ет / вот э-это! /
- М. Это шея /
- Р. (*перебивая*) Это горло!
- М. (*показывая*) Это грудь
- А. Нет около шеи!
- Е. Это горло / горло это / горло да?
- Л. Аня / смотри //
- Е. Там горло?
- Р. (*тихо*) Запутали / запутали девку
- Е. Пониже грудь / «глудь» // (*посмеивается*)
- Л. А вот тут / у тебя горло //
- Е. Вот это горлышко / да?

А. Это ше-ея!

Е. Шея / а там внутри горлышко //

М. Ну ладно Ань / малышка говорит / отпускайте //

А. Го[л]ло / это вот здесь // вот здесь / го[л]ло //

Е. (*смеется*) «[Л]азбойники во[л]ы у[л]оды» примерно тоже самое // Кто говорил / «Разбойники / воры / уроды / и собака не той породы»?

М. (*увидев олады*) Это / Это что у вас там такое? // Это кто это принес? // Ах! / Ой //

Р. Что там?

М. Кто это принес? // А? // Вот это кто принес?

Р. и Е. *посмеиваются*

Р. Подожди //

А. Кто принес?

М. Я хотел съесть //

Е. Дедушка хотел у тебя забрать оладушку //

М. Думал / ты отвернешься / а я ам / и съем //

А. Нет / сам отво[л]ачивайся / бери в [л]уку оладушки и отво[л]ачивайся //

Е. Так оладушку-то бери /дедушка //

М. Кушай-кушай //

Р. Дедушка /

Е. Все кушай-кушай //

М. Я уже поел оладий! / Всё-всё поел / всё поел //

Весь текст составляет один ценностно-коммуникативный диалог, который иллюстрирует общение взрослых с ребенком 4-х лет. Во всем тексте присутствует эмоционально-положительное отношение к маленькой внучке. Наблюдается эмоциональное благополучие в процессе межличностного взаимодействия взрослых, активность ребенка в общении.

Данный разговорный диалог можно разбить на три фрагмента, которые объединены общей юмористической тональностью – попыткой отойти от серьезного разговора с ребенком, сократить дистанцию между незнакомым родственником и ребенком (дедушка приехал в гости и был не знаком с правнучкой). Юмор, направленный на взаимодействие с другими, носит название аффилиативного юмора, см. классификацию стилей юмора [Мартин 2009]. Данный стиль юмора относится к бессознательной склонности индивидов «добродушно подшучивать с

целью развлечь других людей, а также установить дружеские отношения, ослабить напряжение в межличностных отношениях» [Буенок 2012: 63].

Хотя аффилиативный юмор характеризуется как доброжелательный и толерантный, но по отношению к ребенку, являющемуся объектом шутки, может носить деструктивный характер. Он вызывает дискомфорт и обиду, когда ребенок не понимает шутки.

Рассмотрим первый фрагмент диалога, где взрослые создают определенный подсценарий игры с помощью тактики притворного удивления. В центре диалога ложное и парадоксальное рассуждение о том, что после пятилетнего возраста сразу идет восьмилетний. В точке пунты – ключевого момента любой шутки – дается информация, вступающая в противоречие с истинным счетным порядком. Восприятие ребенком неожиданно противоречия оборачивается для него психологической травмой, он плачет. Добрая ирония со стороны взрослого, мягкая насмешка на фоне симпатии, направленная на налаживание отношений, оборачивается неосознанным презрением взрослого к той естественной слабости, которая присуща малышам, не умеющим принять принцип предложенной игры. Взрослый в данной ситуации винится, пытается успокоить малыша:

Е. Скоро восемь / а пока три //

М. Да-а //

А. Нет / мне четыре / (*расстроено*) / а скоро будет пять / а не восемь!

Е. Пять / Да нет это такая шутка // Чё плакать-то сразу / ну что ты сразу плачешь?

А. (*сквозь слезы*) Остальные / после четыре [сетые] будет восемь

Типичное для взрослых подшучивание над детьми имеет, по мнению исследователей, терапевтический эффект – снижает чувствительность к несправедливости мира, повышает параметры иммунитета, вырабатывает способы специфической психологической защиты. Хотя ряд исследователей-психоаналитиков встают на сторону ребенка, обвиняют взрослых в том, что «родители воспитывают детей, как государи управляют народами»,

утверждая: «Взрослый возмущается при мысли, что ребенок и он – равны» [Дольто 1997: 15].

Тем не менее известно, что жанр черного юмора впервые появился именно в детской литературе. Начало развития жанра связывают с книжкой немецкого поэта-сказочника Генриха Гофмана, включающей назидательные истории для детей под названием «Struwwelpeter» (в России сборник опубликован в 1849 году под названием «Степка-растрепка») [Кузовникова 2017]. Черный юмор переводит страх в разряд повседневных ощущений, повышает способность ребенка владеть собой в ситуации страха. См., например стереотипные шутки-страшилки взрослых, обращенные к детям: *Будешь много сладкого есть, попа слипнется; Не ешь так много мороженого: пукнешь – ноги отморозишь; Будешь шалить, ноги выдерну – спички вставлю; Будешь ковырять в носу – палец сломаешь* и т.д.

Второй фрагмент диалога связан с речевым подтруниванием взрослых над картавостью девочки. Детская речь представляет собой интереснейший феномен отклонения от фонетической нормы, см. об этом, например: [Воейкова, Чистович 1994; Лысенко 2004]. Выбранный маркер имитации детской речи – неправильное произношение звука *p* – обыгрывается взрослыми без участия ребенка, но доставляет самим взрослым эмоциональное удовольствие. Речевое подтрунивание над ребенком, не обладает агрессивным потенциалом, воспринимается как особая кооперативная форма речевой игры, укрепляющая взаимоотношения коммуникантов и объединяющая их [Dunel 2008].

Третий фрагмент диалога связан с жанром шутливой угрозы:

Е. Дедушка хотел у тебя забрать оладушку //

М. Думал / ты отвернешься / а я ам / и съем //

А. Нет / сам отво[л]ачивайся / бери в [л]уку оладушки и отво[л]ачивайся //

Угроза – речевой акт, в котором говорящий заявляет о намерении нанести адресату тот или иной ущерб. Жанр шутливой угрозы от реальной отличается своей тональностью, которая

носит переакцентуированный характер². Ребенок оказался знаком с такой переацентуализацией угрозы и правильно на нее реагирует.

Подведем итоги. В представленном для анализа тексте выполняется дидактическая задача семейного общения – взрослые постоянно обращаются к ребенку со словесными высказываниями и требуют речевой реакции, что заставляет ребенка овладевать речью. Перед нами разговор, связанный с внеситуативной формой общения, – это общение, содержание которого выходит за пределы воспринимаемой ситуации, взрослые спрашивают о возрасте, о строении игрушки, расширяя представление ребенка о мире. Ребенок стремится к своеобразному «теоретическому» сотрудничеству со взрослыми, выражающемуся в совместном обсуждении явлений предметного мира.

Помимо такой общей характеристики взаимодействия взрослых с ребенком раннего возраста, создающего благоприятные возможности для продуктивного развития ребенка, текст также демонстрирует статусную асимметрию взрослого и ребенка, которая эксплицитно получает отражение в стилевом своеобразии анализируемого общения: оно шутливо-снисходительное, проявляющееся в передразнивании неправильно произнесенных ребенком слов, в игровой ситуации неправильного подсчета лет ребенка, в шутливой угрозе съесть ее оладушки. Данный патерналистский коммуникативный стиль – доброй иронии и снисходительной мягкой насмешки – типичен для русского семейного взаимодействия.

Литература

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

Буенок А.Г. Психологический анализ предпочитаемых стилей юмора в управленческой деятельности // Сибирский психологический журнал. 2012. № 45. – С. 60–64.

² Впервые о переакцентуации заявил М.М. Бахтин, отмечавший, что любую жанровую форму можно «употребить с пародийно-иронической переакцентуацией» [Бахтин 1979: 259].

Воейкова М.Д., Чистович И.А. Первые слова русского ребенка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. 1994. №5. С. 94–112.

Дольто Ф. На стороне ребенка: монография. / пер. с фр. Е. В. Боевской, О. В. Давтян. – СПб., 1997.

Ильинова Е.Ю. Прагматика коммуникативной тональности в стилистике англоязычного воспитывающего диалога // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание, 2019. Вып. 18, №1. С.148–158.

Кронгауз М. Разговор с детьми и о детях [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/82973>

Лысенко А.И. Формирование фонемной структуры слова в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического исследования: матер. междунар. конф. Санкт-Петербург, 31 мая — 2 июня / отв. ред. С. Н. Цейтлин. – СПб., 2004. – С. 156–158.

Мартин Род А. Психология юмора / пер. с англ. под ред. Л.В. Куликова. – СПб., 2009.

Кузовникова Е.Г. Черный юмор в межкультурной перспективе (сопоставительный анализ тематической составляющей немецкого и русского черного юмора) // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий 2017: сб. статей XV-го Междунар. лингв. семинара / под ред. Л.Н. Ягуповой. – Донецк, 2017. С. 134–138.

Dynel M. No aggression, only teasing: The pragmatics of teasing and banter // *Lodz Papers in Pragmatics*. 2008. Vol. 4, № 2. – P. 241–261.

REFERENCES

Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov // *Estetika slovesnogo tvorchestva*. – М., 1979.

Buenok A.G. Psihologicheskij analiz predpochitaemyh stilej yumora v upravlencheskoj deyatel'nosti // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*. 2012. № 45. – S. 60–64.

Voejkova M.D., Chistovich I.A. Pervye slova russkogo rebenka // *Byulleten' foneticheskogo fonda russkogo yazyka*. 1994. №5. – S. 94–112.

Dol'to F. Na storone rebenka: monografiya. / per. s fr. E. V. Boevskoj, O. V. Davtyan. – СПб., 1997.

Il'inova E.Yu. Pragmatika kommunikativnoj tonal'nosti v stilistike angloyazychnogo vospityvayushchego dialoga // *Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2019. Vyp. 18, №1. – S.148–158.

Krongauz M. Razgovor s det'mi i o detyah [Elektronnyj resurs]. URL: <https://postnauka.ru/video/82973>

Lysenko A.I. Formirovanie fonemnoj struktury slova v detskoj rechi // *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya: mater.*

mezhdunar. konf. Sankt-Peterburg, 31 maya — 2 iyunya / otv. red. S. N. Cejtin. – SPb., 2004. – S. 156–158.

Martin Rod A. Psihologiya yumora / per. s angl. pod red. L.V. Kulikova. – SPb., 2009.

Kuzovnikova E.G. Chernyj yumor v mezhkul'turnoj perspective (sopostavitel'nyj analiz tematicheskoy sostavlyayushchej ne-meckogo i russkogo chernogo yumora) // Sopostavitel'nye i diahronicheskie issledovaniya yazykovyh edinic i kategorij 2017: sb. statej XV-go Mezhdunar. lingv. seminaru / pod red. L. N. Yagupovoj. – Doneck, 2017. – S. 134–138.

Dynel M. No aggression, only teasing: The pragmatics of teasing and banter // Lodz Papers in Pragmatics. 2008. Vol. 4, № 2. – P. 241–261.

©Вепрева И.Т., 2020

Вепрева Ирина Трофимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51.

Е-mail: Irina_vepreva@mail.ru

Vepreva Irina Trofimovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).